

МЕСТО СНОВИДЕНИЙ В МОРДОВСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Кузнецова Ю. В., Кузнецова А. С. (Саранск, Россия)

Аннотация: В статье рассматривается феномен сна и сновидения в контексте традиционной культуры мордвы. Выделен ряд универсальных типических оснований представлений о снах и механизмах толкования сновидений на примере мордовской народной культуры. Во-первых, сновидения рассматриваются как сакральное явление и наделяются пророческими свойствами. Во-вторых, прослеживается тесная связь с культом предков, когда сны воспринимаются в качестве «проводника», связывающего мир живых с потусторонним миром умерших. В-третьих, осознание важности расшифровки значений снов приводит к появлению в традиционном сообществе особой категории – толкователя сновидений. В-четвертых, формируется классификация сновидений по различным типам.

Ключевые слова: традиционные сообщества, мордовская культура, сон, сновидения, толкование снов.

PLACE OF DREAMS IN THE MORDOVIAN FOLK CULTURE

Kuznetsova Yu. V., Kuznetsova A. S. (Saransk, Russia)

Abstract: The article deals with the phenomenon of sleep and dreaming in the context of traditional Mordovian culture. A number of universal typical bases of ideas about dreams and mechanisms of interpretation of dreams on the example of the Mordovian folk culture are highlighted. First, dreams are considered as a sacred phenomenon and are endowed with prophetic properties. Secondly, there is a close connection with the cult of ancestors, when dreams are perceived as a guide that connects the world of the living with the otherworldly world of the dead. Third, the awareness of the importance of deciphering the meanings of dreams leads to the emergence of a special category in the traditional community-the dream interpreter. Fourth, the classification of dreams into different types is formed.

Keywords: traditional communities, the Mordovian culture, sleep, dreams, interpretation of dreams.

В настоящее время феномен сна и сновидения анализируется не только в рамках естествознания, но является объектом изучения целого спектра социально-гуманитарных наук (философская антропология, этнография, теория и история культуры и т.д.). Для культурологических исследований особый интерес представляет преломление сна, в результате которого значение сновидений у разных народов может существенно различаться. Толкование сновидений, в данном случае, предстает одним из способов мышления и организации знаний в традиционных сообществах. Как пишет известный исследователь в сфере антропологии сновидений Б.Тедлок: «Некоторые антропологи теперь описывают сны как часть грамматики культуры, которая может использоваться для понимания как собственного сознания и культуры, так и сознания и культуры других людей» [4, с. 18]. Таким образом, представляется возможным с опорой на этнографический материал выявление культурной модели зарождения, бытования и трансформаций сновидений в жизни каждого этноса.

Начало изучению сновидений с точки зрения антропологии положили работы Дж. Фрезера и Э.Б. Тайлора, в которых в результате анализа и систематизации этнографических данных был сделан вывод, что рефлексии над феноменом сновидения представителя традиционного общества во многом помогают в решении проблемы культурогенеза. Дж. С. Линкольн опубликовал первую фундаментальную антропологическую работу о значении снов в различных традиционных сообществах, утверждающую, что сновидения включены в пределы заданного культурного образца.

Для этнографии и культурологии наиболее важным представляется вопрос этнической специфики образов и действий в сновидениях и их связи с духовной культурой народа. При всем многообразии существующих типологий и классификаций сновидений в рамках конкретной исторической культурной общности представляется возможным выделить универсальные основания представлений о снах и сновидениях в народной культуре.

Можно признать типичным тот факт, что в традиционных сообществах сновидение рассматривается как явление сакрального характера, наделенное пророческими свойствами. Обусловлено это восприятием состояния сна как своеобразного пространства непосредственной коммуникации со своими

предками, что во многом является основой существования человека в традиционном обществе. Здесь следует отметить, что в религиозной, философской традициях сон нередко воспринимается как «проводник» между реальным и «потусторонним» миром, как «первая ступень жизни в невидимом» (П. Флоренский). Значение снов в данном случае связано с функцией прогнозирования будущего, которая приписывалась возможностям умершим пророчествовать. Воспринимаясь как послание потустороннего мира к конкретному человеку, сны побуждают его к совершению определенных действий.

У мордовского народа культ предков является особенно почитаемым и устойчивым, что связано с представлениями о покойных предках как первых хранителях интересов потомства, которые могут повлиять на судьбу своих сородичей. «Рассказы об умерших родственниках – родных покойниках представляют такую форму фольклорной прозы как былички и занимают особое место в современном устном репертуаре мордвы» [5, с. 30]. Умершие родственники являются во сне с «того света», чтобы уберечь членов своей семьи от беды и помочь: «Когда умерла моя мать, я легла с детьми спать и подумала: «Когда-никогда, а умирать надо, все равно на том свете ничего нет! Сплю я ночью и чувствую, будто бы подходит ко мне мать и говорит: «Все, дочка, есть, и тот свет есть. Мы с вами, только вы нас не видите! Похлопала меня по плечу и ушла. Я вскочила с постели, а матери нигде нет (с. Темяшево, Старошайговский район)» [5, с. 31]. Предки в народных представлениях часто играют роль хранителей традиционной обрядности, что находит отражение в образах и сюжетах сновидений. «К примеру, у мордвы и русских распространены рассказы о том, что явившийся во сне покойник упрекает родственников за не вполне точное соблюдение ритуала, неуважение его воли: не в той одежде положили в гроб, плохое угощение было на поминках, не одарили поминавших и т.д. Нередко в таких рассказах сон выдается за реальность, грань между сном и явью размыта. Человек ее не ощущает, выдавая увиденное во сне, привидевшееся в состоянии крайней усталости за достоверное» [5, с. 30].

Особое место в традиционной культуре отводится толкователям сновидений. «Мысль о том, что сны имеют тайное, зашифрованное значение, являясь важными иносказательными посланиями, лежит в основе многочисленных попыток разгадать

их смысл» [1, с. 93]. Ю. М. Лотман, называя сон мощной властью, управляющей человеком, отмечает, что сну непременно требуется переводчик. «Сну необходим истолкователь – будет ли это современный психолог или языческий жрец» [3, с. 125].

Мордовский народ придавал большое значение расшифровке снов, а истолкователи сновидений считались посредниками между миром сакральным и профанным. Во многих селениях были «содай ломатть», (м. «знающие люди»), которые занимались не только трактовкой сновидений, но и считались знахарями, волшебниками и колдунами, имеющими связь с богами и предками. Этой профессией у мордвы занимались преимущественно пожилые женщины.

Результатом пристального внимания к сновидческим практикам конкретных традиционных сообществ явилась разработка исследователями классификаций сновидений исходя из изначальной обусловленности снов заданными установками культуры, которыми детерминированы её носители.

Выделяются следующие типы сновидений у мордвы: сбывающиеся (вещие), частично сбывающиеся и пустые. Степень их достоверности определялась временем и днями недели. Сны на понедельник, четверг, пятницу принято считать верными; сны на воскресенье сбываются до обеда; сны перед основными религиозными праздниками могут сбыться в течение года. Пустые сновидения отличались малой эмоциональностью, неясными образами и представлялись ложными, не требующими расшифровки и не имеющими особого значения для человека.

Вещий сон представлял явление особого порядка, значимость которого отразилась в древнейшем мордовском фольклоре. В народных песнях нередко присутствует мотив вещего сна, который обычно знаменует перемены в судьбе, например, смерть, свадьба. При этом накладывается запрет на действие, которое может иметь пагубное последствие для героя. Вещий сон нередко встречается в песенной традиции, видимо, с целью ввести слушателя в мифологически осмысляемое время и пространство. Сюжеты, связанные с вещим сном, широко представлены в лирических песнях мордвы-мокши, где наряду с ярко выраженным лирическим началом заметно выступает архаика, что связывает их с мифологическими произведениями». Наиболее распространенными в поэтических текстах этих песен являются мотивы вещего сна, предсказывающего близкую смерть героини; мнимую смерть девушки и возрождение ее в новом качестве. Из

произведений о разлуке рекрута (солдата) с семьей в междуречье Мокши и Инсара известны лирические песни о том, как парень-сирота видит сон о том, что его забирают в солдаты, девушка видит сон, что ее милого отдают в рекруты [2, с. 79].

Таким образом, можно сделать вывод, что последовательный анализ отдельных аспектов системы сновидческих представлений в традиционном сообществе, в том числе с опорой на фольклорный материал, служит важным основанием при построении культурной модели народа.

Литература

1. *Кузнецова Ю. В.* Знаково-символическое пространство сновидений в научном дискурсе // Центр и периферия. 2018. № 1. С. 93.
2. *Кузнецова Ю. В., Финаева М. В.* Традиционные представления о сне и сновидениях в народной культуре мордвы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 79.
3. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. Искусство-СПб. 2010. 256 с.
4. *Тедлок Б.* Бикультурное сновидение как межличностный коммуникативный процесс // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 18.
5. *Тростина М. А.* Архетип «родного покойника» в устных народных рассказах русских и мордвы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (71). С. 30.